

ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА КУРГАННЫХ ПЛИТАХ МОГИЛЬНИКОВ ПОД ГОРОЙ БЫЧИХА (Минусинская котловина)

Е. А. Миклашевич, Л. Л. Бове

STUDYING THE IMAGES ON THE KURGAN SLABS IN THE CEMETERIES AT THE FOOTHILLS OF BYCHIKHA MOUNTAIN (Minusinsk basin)

E. A. Miklashevich, L. L. Bove

Работа выполнена в рамках государственного задания №33.1175.2014/К Министерства образования и науки РФ.

В статье рассматриваются проблемы исследования изображений на курганных плитах на примере рисунков, выявленных авторами в результате полного обследования могильников, расположенных у горы Бычиха (Краснотуранский район Красноярского края, правый берег р. Сыды, притока Енисея). На горе находится памятник наскального искусства Сыдинская писаница, полностью документированный, и одной из целей исследования было сравнить изображения на скалах с изображениями на плитах курганов. Авторы приходят к выводу, что репертуар наскальных изображений тех эпох, к которым относятся окружающие писаницу могильники, в целом отличается от изображений на плитах курганов. Статья иллюстрирована материалами документирования изображений на курганных плитах, позволяющими представить основные стили и образы, характерные особенности курганных рисунков, а также состояние их сохранности.

The paper considers some problems in studying the decorated kurgan slabs on the example of the imagery which had been recorded by the authors in the course of their comprehensive survey of the ancient cemeteries located at the Bychikha mountain foothills (Krasnoturansk district of the Krasnoyarsk region, right bank of the Syda river, a tributary of the Yenisei). The Bychikha mountain itself is a rock art site, which is also completely documented by the authors, and one of the objectives of this new study was to compare the images on the rocks with images on the kurgan slabs. The conclusion is that the repertoire of rock art (which is related to the same periods as the cemeteries nearby), differs, in general, from images on the kurgan slabs. The article is well illustrated with materials of the documenting the decorated kurgan slabs, showing the main styles and images, the characteristic features of the kurgan art, as well as the state of its preservation.

Ключевые слова: петроглифы, изображения на курганных плитах, гора Бычиха, Минусинская котловина.

Keywords: petroglyphs, decorated kurgan slabs, Bychikha mountain, Minusinsk Basin.

Гора Бычиха находится на юге Красноярского края на правом берегу р. Сыды, правого притока Енисея, в 10 км от ее устья, напротив Краснотуранска. В этой местности известно множество археологических памятников разных эпох. На скальных выходах южного склона самой горы зафиксировано 80 плоскостей с петроглифами, в основном относящихся к эпохе поздней бронзы и раннего железного века. Этот памятник наскального искусства известен как Сыдинская писаница [1, л. 81 – 84; 3, с. 163; 8] или Бычиха [12, с. 82; 16; 19; 22, с. 160 и др.]. К настоящему времени он полностью нами обследован и документирован. Обширное пространство между южным склоном горы и берегом Сыды заполнено многочисленными разновременными курганами; часть из них находится сейчас под водами Сыдинского залива, образовавшегося при наполнении Красноярского водохранилища, а часть – на незатопленной территории. Довольно большое количество курганов из той и другой части раскопано. Они относятся к таким культурам как афанасьевская [6, с. 25 – 29, 103 – 105; 10, с. 71 – 86], окуневская [7], карасукская [11, с. 144 – 147], тагарская (подгорновский и сарагашенский этапы) [3, с. 110; 5, л. 92, 93; 8] и таштыкская [4, с. 261; 8]. На этой территории известны не только могильники. М. П. Грязновым обнаружено поселение андроновской культуры [5, л. 94]. Нами в 2012 г. (при низком уровне воды в водохранилище) найдены остатки размытого многослойного поселения:

фрагменты керамики тагарского, тесинского и таштыкского времени, а также грузила и фрагменты зернотерок. На берегу р. Узы, недалеко от места ее впадения в р. Сыду, И. И. Ботвичем обнаружено (также в результате размыва почвы водохранилищем и при низкой воде), окруженное плитками песчаника «кольцевое городище», с фрагментами позднетагарской керамики и зернотерок [2].

Таким образом, гора Бычиха и территория между ней и правым берегом р. Сыды, а также правым берегом р. Узы, в месте близком к ее впадению в Сыду, представляют собой один из археологических комплексов (микрорайонов), которых так много в бассейне Среднего Енисея. Как правило, они связаны с доминирующим горным массивом, расположенным на берегу реки, и состоят из разновременных могильников, поселений и местонахождений наскального искусства. И если раскопки могильников разных эпох на территории одного микрорайона, – обычная практика в археологии Минусинской котловины, то комплексное исследование их вместе с поселениями проводилось гораздо реже, а вместе с наскальными рисунками – практически никогда. Чего стоит хотя бы такой парадоксальный факт, что при индексации археологических памятников местонахождения наскальных рисунков никогда не входят в общую систему с могильниками и поселениями. Также до сих пор не проводилось комплексное исследование и сопоставление изо-

бражений на скалах с изображениями на плитах курганов, расположенных в непосредственной близости от них. Тому есть разные объективные и субъективные причины, но актуальность подобных изысканий очевидна. Такая работа начата недавно О. С. Советовой на археологическом комплексе горы Тепсей

[20], а нами осуществлена на материалах комплекса горы Бычиха. В данной статье мы хотели бы представить некоторые результаты исследования изображений на курганных плитах могильников, расположенных у Сыдинской писаницы.

Рис. 1. Курганный камень с изображениями на фоне Сыдинской писаницы на горе Бычиха

Во время работ по копированию наскальных изображений на горе (в 1980-е и начале 2000-х гг.) наличие изображений на плитах курганов у подножия Бычихи, конечно, было замечено. Но так как рисунки показались малочисленными и невыразительными, задача исследования изображений на курганах не ставилась. К тому же могильники расположены здесь на очень большой площади, их осмотр требовал специальных усилий и времени. Первое целенаправленное обследование курганов на предмет поиска изображений авторы статьи провели в 2008 г., когда работы по документированию изображений на скалах близились к завершению. Оказалось, что рисунков на курганах не так уж и мало, и среди них есть достаточно интересные, что курганы относятся к разным периодам, различаются по своей конструкции и среди них есть раскопанные (до этого считалось, что раскопанные С. В. Киселевым и М. П. Грязновым курганы у с. Сыда все затоплены). Появилась надежда сопоставить изображения с типами курганов, выявить какие-то закономерности расположения рисунков, их наличия или отсутствия, использовать их для атрибуции петроглифов на скалах, сравнить изображения на скалах и курганных плитах и т. д. Для выполнения этих задач необходимо было: обойти все могильное поле; осмотреть каждую грань каждого камня каждого кургана при разном освещении; выполнить измерения (размеры, ориентировка, координаты) для каждого кургана; сделать глазомерные чертежи всех курганов и общий план могильного поля; провести индексацию курганов и плит с изображениями; расчистить плиты от лишайника; выполнить фотосъемку каждой плиты с изображениями; сделать цифровые графические воспроизведения рисунков (прорисовки). Полевую

часть этой работы нам удалось осуществить в 2012 г. [14], а камеральную обработку – в последующий период. Обследование могильного поля мы проводили весной, при низком уровне воды в заливе и при отсутствии свежей растительности. Кроме всего прочего, благодаря этому удалось обнаружить еще один большой участок – с размытыми курганами карасукской культуры, часть из которых раскопал в свое время С. В. Киселев [11, с. 144 – 147].

Всего было выявлено 184 кургана (на самом деле их гораздо больше: часть скрыта под водой, а в идентификации другой части мы были не всегда уверены). Концентрируясь отдельными группами, в целом они образуют обширное могильное поле, занимающее около 5 км с юго-запада на северо-восток и около 2 км – с северо-запада на юго-восток. Если добавить еще ту территорию, где у с. Сыда располагались курганы афанасьевской и окуневской культур, ныне находящиеся на дне Сыдинского залива, то с севера на юг ширина этого поля будет почти 4 км. Самые ранние курганы находились в южной части этой обширной территории: окуневские – восточнее, афанасьевские – западнее. Курганы эпохи поздней бронзы занимали западную часть, концентрируясь двумя группами в прибрежной части Бычишного лога (к юго-западу от горы Бычиха). Далее на восток огромное пространство в северной части территории, вдоль горы Бычиха и двух следующих за ней к востоку горок занимают курганы раннего железного века. Среди них больше всего четырехкаменных, от небольших (3 – 4 м по одной стороне) до таких, стенки которых составляют в длину 7 – 10 м. Это курганы подгорновского этапа тагарской культуры (возможно, часть из них – баиновские). Они образуют несколько могильников в разных местах. Концентра-

ция их наибольшая в западной части ареала, а чем дальше на восток, тем чаще наряду с ними начинают попадаться курганы шести-, восьми-, десяти- и двенадцатикименные. Они различаются не только по количеству камней ограды, но и по размерам и высоте насыпи. Наиболее крупные из них располагаются на значительном расстоянии друг от друга. Среди них есть и курганы подгорновского этапа, но большинство можно отнести к сарагашенскому. Весьма вероятно, что какие-то из этих курганов относятся к тесинской культуре, но визуально это определить трудно. В восточной же части находятся и раскопанные С. В. Киселевым склепы таштыкской культуры.

Поскольку на курганах эпохи поздней бронзы нет угловых плит, а на стенках и перекрытиях не обнаружено ни одного изображения, то в дальнейшем мы будем говорить только о той части могильного поля, где располагаются более поздние курганы и где наличие изображений ожидаемо. Таких курганов зафиксировано 135, но из них 3 – 4 десятка – это курганы либо совсем без камней, либо с сильно разрушенной оградой, либо с очень маленькими камнями. Среди остальных изображений найдены на 21-м кургане. На некоторых курганах рисунки есть на нескольких камнях, а на некоторых камнях – на двух или даже трех гранях. Всего у нас зафиксирована 31 грань с изображениями. Из них к четырехкаменным курганам относится 9 граней с изображениями, к шестикаменным – 6, к 8 каменным – 10, к более крупным и тем, где каменная конструкция не определяется, но курганы все равно крупные – 6. Курганы, на которых одним зафиксировано больше всего изображений (6 граней) относятся к восьмикаменным.

К сожалению, полученный корпус источников нельзя считать достаточно репрезентативным. Картина, которую мы видим сейчас, очень сильно отличается от того, что здесь некогда было. Состояние сохранности могильников у горы Бычиха – удручающее. Курганные плиты с рисунками подвержены деструкции по разнообразным естественным причинам: за тысячелетия многие из них расслоились, и наружные слои (потенциальные носители рисунков) упали и задерновались; откололись отдельные фрагменты; отслоились верхние слои скальной корки; поверхности «съедены» лишайниками; наконец, некоторые плиты целиком упали и лежат (возможно) рисунками вниз. Эти факторы действуют на всех могильниках. Но на некоторых к ним еще добавляется разрушительная деятельность человека. Курганы у горы Бычиха в этом плане сильно не повезло. Одни из них ушли под воду Сыдинского залива Красноярского водохранилища, другие разрушаются оврагами, трещинами, которые находятся на полях (а это большая часть территории), разрушались целенаправленно, как мешающие сельскому хозяйству. Насыпи многих курганов разрезаны тракторами. Курганные камни выдернуты, вывернуты, вывезены. На многих оставшихся мы видели остатки железной проволоки или следы от нее – эти камни выдернуть не удалось. От каких-то остались лишь основания. Пожилые трактористы рассказывали нам, что в советское время колхоз платил им премии за вывороченные из курганов плиты. Сколько камней с возможными изображениями на них утрачено навсегда – трудно себе представить!

Таким образом, зафиксированные на плитах курганов у горы Бычиха петроглифы представляют собой, по всей видимости, лишь очень небольшую часть того, что здесь было когда-то.

Примерами деструкции курганных плит служат все приводимые здесь иллюстрации, но наиболее показательны изображения кургана № 125 (по нашей нумерации). Это восьмикаменный курган, на пяти камнях ограды которого есть петроглифы (рис. 2: 1).

Грань 125/1 – южная сторона юго-западного углового камня. Камень крупный, и по всей вероятности на нем была большая многофигурная композиция, от которой сохранился лишь фрагмент (рис. 2: 2) с изображениями антропоморфных фигур, оленя и неопределимыми остатками выбитых и гравированных рисунков. От плиты откололись фрагменты камня, отслоилась скальная корка. Видны следы железной проволоки – неудавшейся попытки выдернуть камень, и свежие прочерченные линии.

Грань 125/2 – южная сторона промежуточного камня южной стенки. В результате интенсивного растрескивания и отслоения поверхности сохранился лишь небольшой фрагмент скальной корки с остатками неопределимого выбитого изображения.

Грань 125/3 – южная сторона юго-восточного углового камня. Это тоже крупный камень, на поверхности которого в результате отслоения сохранилась лишь треть скальной корки, и та в очень плохом состоянии. Прослеживается антропоморфная фигура и знак в виде сдвоенных овалов в горизонтальном положении (тамга?), а также неопределимые остатки других выбитых изображений.

Грань 125/4 – восточная торцевая сторона промежуточного камня восточной стенки. На очень выветренной растрескавшейся поверхности прослеживается схематичная антропоморфная фигура. На верхней и северной грани этого же камня отмечены беспорядочные следы выбивки.

Грани 125/5 и 6 – относятся к промежуточному камню северной стенки. 125/5 – это северная сторона камня, 125/6 – западная. Камень представляет собой не плиту, а массивный широкий блок светлого крупнозернистого песчаника, очень выветренного и трещиноватого. Трещины и расслоение проходят в направлении, параллельном грани 5 и перпендикулярном грани 6. На грани 125/5 выбиты изображения козлов в характерном скифо-сибирском зверином стиле, а также многочисленные извилистые линии и другие изображения, контуры которых проследить не удалось (рис. 2: 3). Поверхность камня – в очень плохом состоянии, она пористая, выветренная, крошится мелкими кусочками, от выбивки остались лишь едва заметные следы. Но самое показательное это то, что при осмотре в 2008 г. эти рисунки мы видели еще на самом камне, а к 2012 г. поверхность с изображениями отслоилась, упала рисунками вниз и уже начала задерновываться. Нам пришлось ее откапывать. Провели мы исследование могильника еще через несколько лет, то пришли бы к выводу, что на северных гранях изображений нет, и рисунков в скифском стиле на этих курганах нет! При исследовании изображений на курганных камнях следует иметь в виду, что рисунки могут находиться на отделившихся от основной плиты фрагментах, которые лежат в земле.

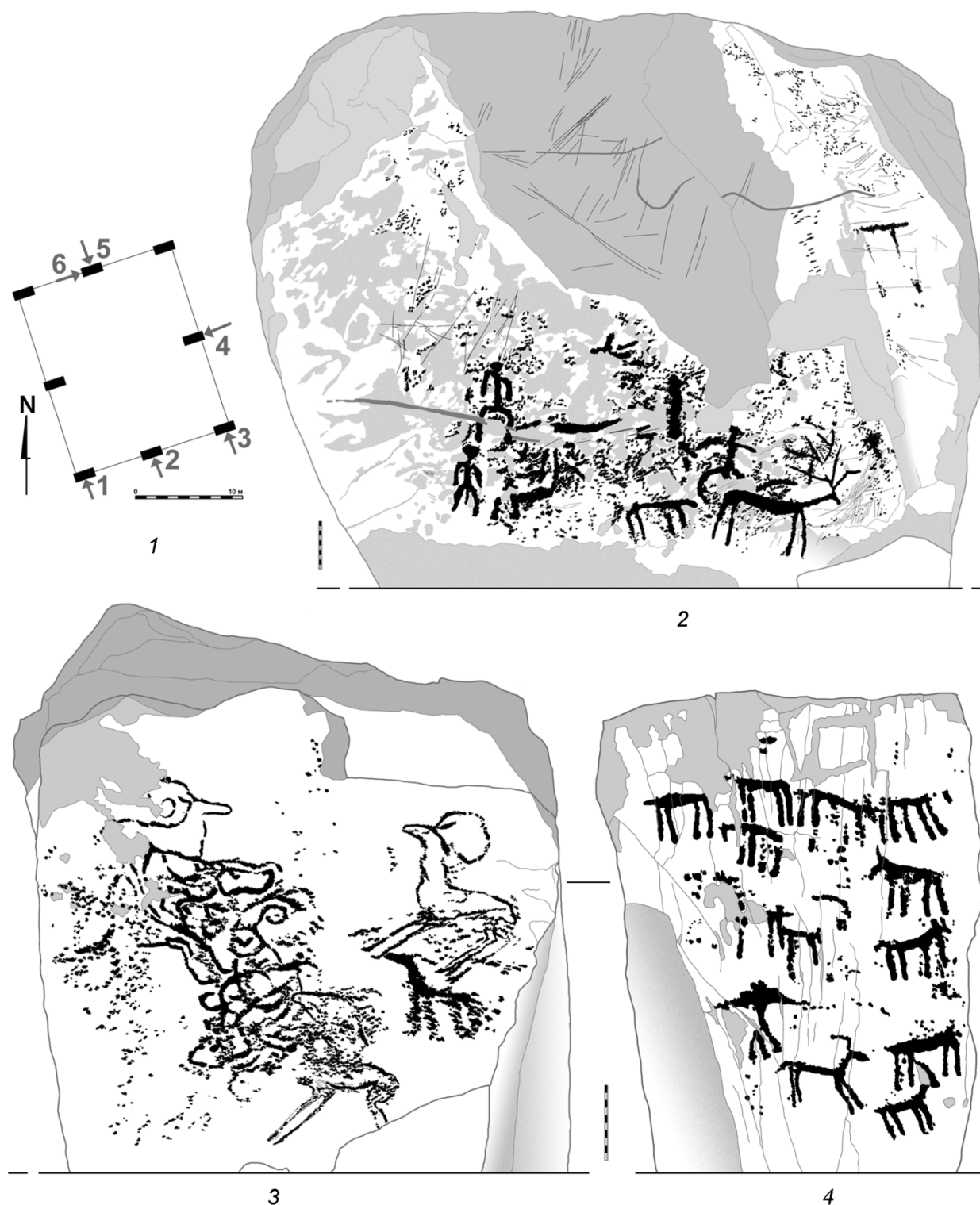

Рис. 2. Петроглифы на плитах кургана № 125. 1 – схема кургана с указанием мест расположения рисунков; 2 – изображения на грани 1; 3 – изображения на грани 5; 4 – изображения на грани 6

Еще более удивительный случай демонстрируют изображения на грани 125/6 (рис. 2: 4). Здесь выбиты фигуры неопределенных животных в характерном для эпохи поздней бронзы «геометрическом» стиле. Таких изображений очень много на скальных плоскостях на горе, они являются как бы даже «визитной карточкой» петроглифов Бычихи. Каким образом они оказались в сарагашенском кургане? Можно было бы предположить, что тагарцы выломали блок с изобра-

жениями на горе. Однако в этом случае рисунки должны были бы быть ориентированы не поперек трещин слоистости, а вдоль них. Напрашивается такое объяснение: возможно, блок камня отвалился от скалы, скатился по склону и лег соответствующим образом; затем в эпоху поздней бронзы на нем выбили рисунки (вообще, на Бычихе зафиксировано 2 случая использования «съехавших» с горы каменных блоков для нанесения изображений). Еще позже та-

гарцы использовали этот блок для сооружения кургана, установив так, что рисунки расположились «правильно». А на северной грани была выбита тагарская сцена. Конечно, нельзя исключать, что она была выбита и раньше, пока блок камня просто стоял под горой. Также нельзя совсем исключать вероятность того, что «геометрические» фигурки грани 125/6 могли быть нанесены на камень после сооружения кургана. В тесинское время также бытовали похожие схематические зооморфные изображения (ср., например, с

изображениями грани 125/1 и рис. 6: 2). Надо учитывать, что состояние сохранности выбивки и поверхности грани 125/6 не дает возможности проследить детали и нюансы изобразительной манеры и сравнить их с соответствующими изображениями. Однако дополнительно в пользу их атрибуции эпохой поздней бронзы говорит композиционное размещение фигур «стройными рядами», очень характерное для наскальных композиций этого периода [12; 17; 19, с. 60 – 62].

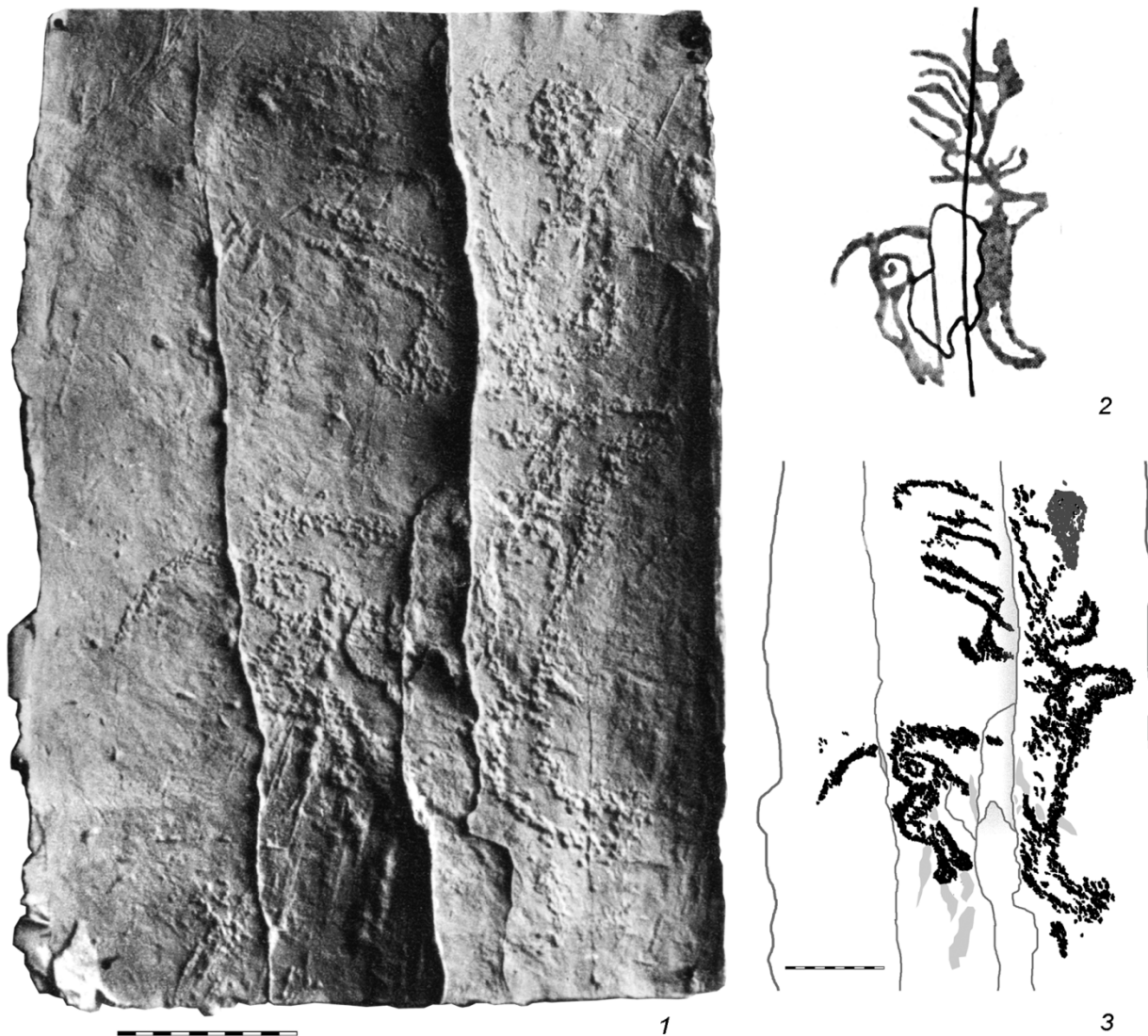

Рис. 3. Утраченная плита с изображением оленя. 1 – фотография эстампажа, сделанного С. В. Киселевым в 1929 г.; 2 – прорисовка С. В. Киселева; 3 – новая прорисовка по фотографии эстампажа

С. В. Киселев, видимо, был первым, кого заинтересовал тот факт, что рисунки есть не только на скальных выходах Бычихи, но и на плитах многочисленных курганов у ее подножия. В 1929 г. он изучал наскальные изображения на горе (Большая Бычиха, как он ее называл), копировал на эстампажи и фотографировал петроглифы центральной группы памятника. Кроме того, в этом же году С. В. Киселев проводил обследование могильников на большой территории правобережья Енисея от Минусинска до Сыды. Его интересовали не только раскопки курганов разных эпох, но и изображе-

ния на курганных плитах. Всего за ту экспедицию было выявлено 80 камней с рисунками, из них 10 – у с. Сыда [8; 9, с. 92], то есть как раз в тех могильниках, которые расположены под горой Бычиха. С. В. Киселев, поставивший своей задачей «отыскание путей к хронологизации Минусинских писаниц» [9, с. 91], один из этих путей видел в изучении рисунков на курганных плитах и «выяснении отношения надкурганных рисунчатых стел к украшаемым ими погребениям и установление через это даты» [8]. Поэтому для раскопок курганов тагарской культуры им выбирались те курганы,

плиты которых имели изображения. К сожалению, нам пока не удалось увидеть материалы экспедиции С. В. Киселева 1929 г., поэтому неизвестно, какие именно 10 камней он зафиксировал в могильниках у с. Сыда. Есть информация только о двух из них.

Прорисовка одного из изображений приводится в его статье «Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц» [9, рис. 4]. Такого изображения сейчас на плитах сыдинских курганов нет; эта плита не сохранилась, возможно, упала после раскопок и сейчас задерживается, либо была вывезена. Однако в архиве Минусинского музея сохранилась фотография эстампажа, который Киселев сделал с этого камня [21]. Он применял ту же технику копирования, что и А. В. Адрианов: прибивание щетками к камню с изображениями нескольких слоев смоченной бумаги, после высыхания которой получался оттиск, воспроизводивший наскальный рисунок хотя и в обратном рельефе и зеркально, но факсимильно точно. Мы приводим здесь это изображение оленя с утраченного камня в виде фотографии эстампажа С. В. Киселева и его прорисовки, а также нашу прорисовку, сделанную по этой фотографии (рис. 3). К сожалению, качество ее не настолько хорошее, чтобы можно было сделать совершенно точную копию, но в случае обнаружения самого эстампажа прорисовку можно будет уточнить. Кроме того, в статье указывается, что это «плита кургана № 6», то есть, существует возможность найти в архивах сведения о раскопках именно этого кургана и узнать его культурную принадлежность.

Другая плита, фотография эстампажа которой имеется в Минусинском музее (рис. 4: 1), на могильнике сохранилась. По нашей нумерации это курган № 62. Он был раскопан (очевидно, что С. В. Киселевым). До сих пор видны ямы: большая глубокая с западной стороны (в ней растет дерево), и две поменьше и менее глубокие с восточной. Плиты ограды смещены с мест или перекрыты отвалами, так что тип кургана определить невозможно. Сохранился лишь один промежуточный камень с южной стороны, на его южной грани и расположены скопированные Киселевым изображения. На камне выбит уникальный для Минусинской котловины рисунок, его заметил и С. В. Киселев (он упоминает в статье «отдельное изображение человеческого лица с усами» [9, с. 92]), сделал с него эстампаж, и, как мы предполагаем, именно наличие такого необычного изображения могло повлиять на выбор кургана для раскопок. Когда мы обнаружили эту плиту, она была покрыта лишайником, сквозь который просматривалась выбивка, а изображения в нижней части уходили в землю (рис. 4: 2). При расчистке плиты в грунте обнаружилась ее верхняя отломившаяся и упавшая рисунками вниз часть. Этот фрагмент хорошо подошел к основанию (рис. 4: 3), что позволило восстановить изображение почти полностью (рис. 4: 4). По эстампажу Киселева видно, что плита во время его раскопок была еще целой. Некоторые фрагменты изображений вдоль места слома утрачены, но, в случае обнаружения оригинала эстампажа, возможно, смогут быть реконструированы. На плите выбиты две зооморфные фигуры в стиле, характерном для тагарской культуры, так что курган

должен относиться к ней же; судя по размерам ямы – к финальным ее стадиям. Знак в виде сдвоенных овалов, который встречается на плитах и других курганов, видимо, представляет собой тамгу и мог быть выбит позже. Изображение «лица» – глаз с бровями и усов, так напоминающее лица древнетюркских изваяний, скорее всего, было добавлено в эпоху раннего средневековья. У всех рисунков выбивка сопровождается частыми штрихами гравировки.

Вообще, считается, что большинство изображений на курганных плитах выполнено в технике выбивки. Однако известно немало и гравированных изображений – интересных композиций и детализированных рисунков, в тех случаях, когда для курганной ограды использованы плиты из плотного камня с ровной поверхностью. Но остатки гравировок прослеживаются на плитах вместе с выбитыми изображениями во множестве. Мы полагаем, что никаких особых предпочтений в технике нанесения изображений на плиты курганов не было, а кажущееся преобладание выбивки над гравировкой связано с состоянием сохранности. Большинство поверхностей курганных плит сильно повреждено лишайниками, которые перерабатывают верхние слои субстрата, в результате чего сглаживаются контуры даже выбитых изображений, не говоря уже о тонких резных линиях, которые в некоторых случаях исчезают полностью. На плитах могильников Бычихи отдельные резные линии или нечитаемые их скопления зафиксированы нами много раз; на одном камне, возможно, были и рунические надписи, однако они настолько сглажены в результате действия лишайников, что полностью выявить их не удастся даже специальными методами (сильное увеличение на экране компьютера снятых особым образом фотографий [15]). Лишь на одном камне с достаточно плотной структурой поверхности (из-за чего и лишайники на нем почти не поселились) зафиксирована композиция, выполненная в технике гравировки (рис. 5). К сожалению, большая ее часть утрачена в результате отслоения камня, а сами линии очень тонкие и едва различимые. Поэтому среди скопления линий не прочтываются отдельные образы, за исключением фигуры хищника с большой зубастой мордой, длинным хвостом и когтистыми лапами.

Есть свои особенности и у выполненных в технике выбивки курганных рисунков. В отличие от петроглифов на скалах, изображения на курганных плитах нанесены не на скальную корку (поверхностный слой, имеющий довольно рыхлую структуру, на которой выбивать удобнее), а на гораздо более твердую и плотную поверхность, образующуюся в результате раскалывания блоков песчаника вдоль трещин слоистости. В редких случаях использованы блоки камня с уже образовавшейся скальной коркой, либо рисунки наносились через большой промежуток времени после установки плит, когда в результате долгого нахождения их под открытым небом скальная корка начинала образовываться и на этих поверхностях. В большинстве же случаев изображения наносились на очень твердую поверхность, вследствие чего они выбивались совсем неглубоко.

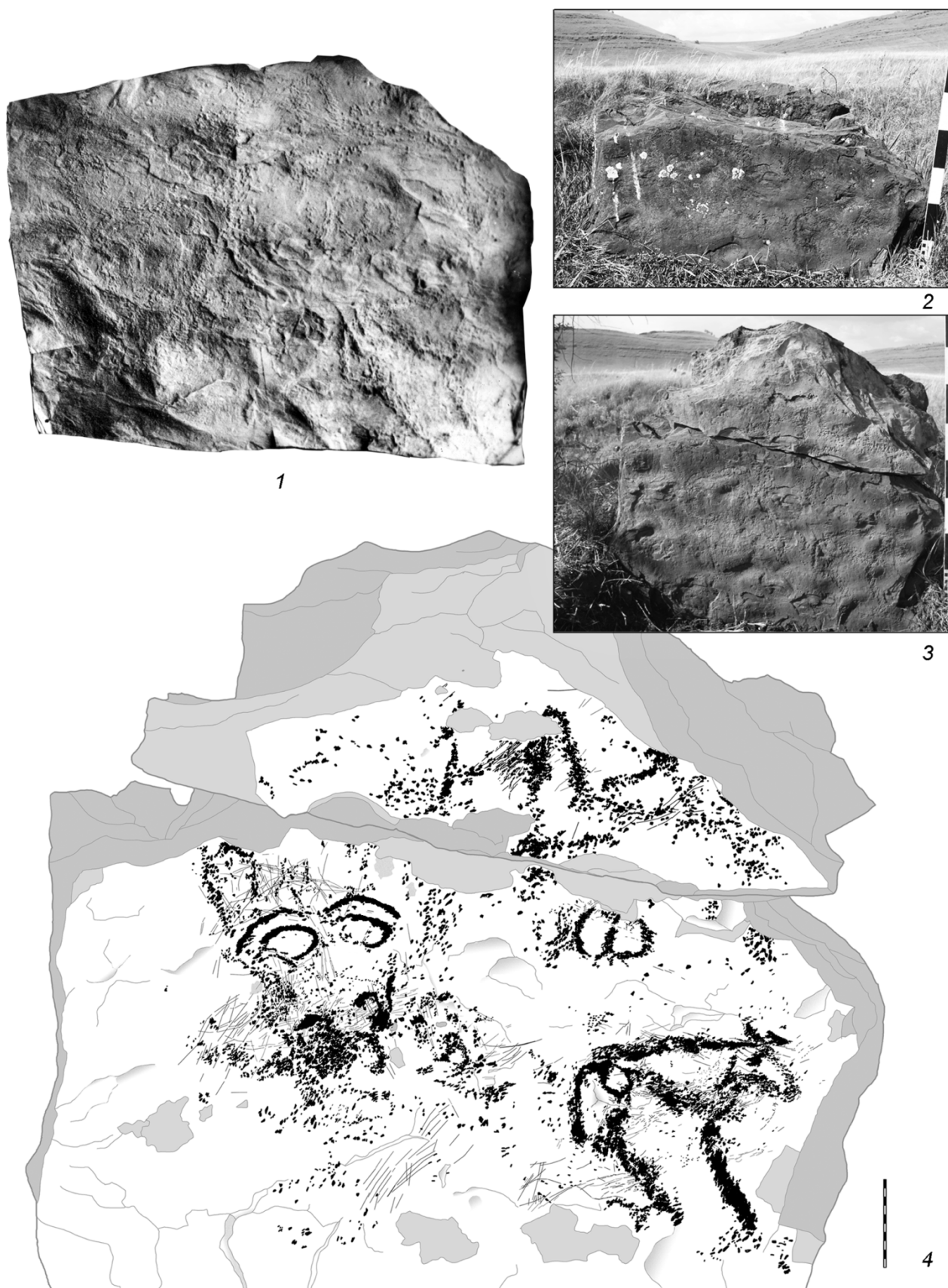

Рис. 4. Изображения на плите кургана № 62. 1 – фотография эстампажа, сделанного С. В. Киселевым в 1929 г.; 2 – фотография плиты на момент ее обнаружения в 2012 г.; 3 – фотография плиты с приставленным фрагментом, отвалившимся и найденным в грунте; 4 – прорисовка

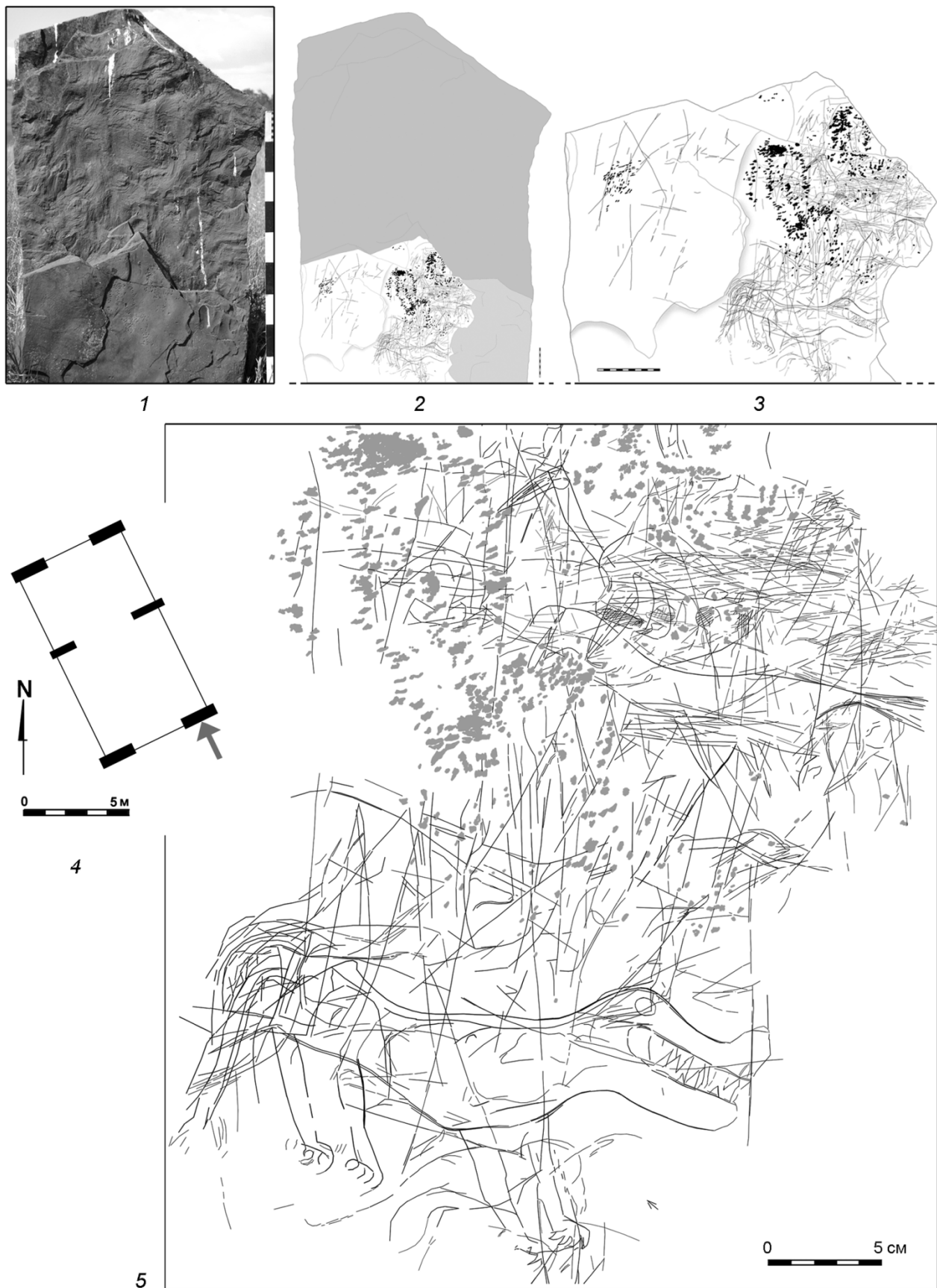

Рис. 5. Гравировки на плите кургана № 2. 1 – общий вид плиты, фото; 2 – прорисовка всей плиты; 3 – прорисовка сохранившегося фрагмента с изображениями; 4 – схема кургана с указанием места расположения грани с изображениями; 5 – увеличенный фрагмент с изображением хищника

С течением времени их контуры еще больше сглаживались под действием лишайников, поверхностного отслоения и выветривания. Покрывшиеся патиной, такие изображения становились практически невидимыми, и это позволяло использовать поверхность камня для нанесения рисунков еще и еще раз. За тысячелетия на некоторых плитах образовались такие лабиринты из многократных палимпсестов, что сейчас, когда все эти изображения патинизированы в одинаковой степени, кажется, что в этом хитросплетении невозможно разобраться. Иногда, действительно, невозможно. По этой причине рисунки на курганных плитах распознавать гораздо труднее, чем рисунки на скалах. Соответственно, намного сложнее и их документирование. В качестве примера приведем изображения на двух камнях кургана № 112 (рис. 6). Это классический большой восьмикаменный курган, с высокой насыпью. Камни ограды массивные, широкие, не очень высокие. Открыты поверхности только угловых камней, промежуточные почти полностью скрыты расползшейся насыпью. На западных торцах обоих угловых камней северной стенки были обнаружены изображения, полностью покрытые разными видами лишайников. После долгого процесса их удаления обнажились плоскости, заполненные именно такими изображениями, о которых говорилось выше. С помощью метода цифровой прорисовки по увеличенным фотографиям удалось проследить контуры отдельных антропоморфных и зооморфных фигур, но большинство «хитросплетений» остались «нерасшифрованными». Не исключено, что таким способом выбивка наносилась намеренно, и тогда скорее всего, это произошло в тесинское время, когда «лабиринтами» покрывались многочисленные могильные и курганные плиты и стелы [18, гл. V]. Антропоморфные фигуры с показанными под прямым углом руками и ногами, также как и с согнутыми кольцом под туловищем ногами – во множестве встречаются на плитах именно из тесинских курганов.

Изображения на камне кургана № 44 (рис. 7) еще более наглядно демонстрируют многократное обращение древних художников к одним и тем же «полотнам». Рисунки находятся на южной грани юго-западного углового камня шестикаменного кургана. Здесь нет «лабиринтов» и контуры всех изображений, выполненных разной выбивкой и перекрывающих друг друга, проследить удалось. Очевидно, что первым был нанесен изящный контурный олень с ветвистыми рогами, выполненный в скифо-сибирском стиле. Он находится в верхней центральной части плоскости, на самом удобном и заметном месте. Вполне возможно, что он соотносится со временем сооружения кургана. Предположительно, следующими на камне появились силуэтные олени и козлик в правой нижней части. Схематичные контурные, ориентированные влево зооморфные фигуры, в самой нижней части, нанесенные совершенно другим орудием, появились еще позже, так как одна из них перекрывает силуэтного оленя. Антропоморфные фигуры тоже наносились не менее чем в два приема: одна группа выполнена тонкими линиями аккуратной мелкой выбивкой, в другой представлены крупные фигуры, выбитые более грубой и глубокой выбивкой. Последние изображения перекрывают и ажурного оленя, и силуэтных животных, и тонкие антропоморфные фигуры, хотя надо отметить, что они

были подновлены (нельзя исключать, что перекрывает именно подновление). Антропоморфные и зооморфные фигуры здесь сюжетно не связаны; так что можно считать, что на этом камне представлено по меньшей мере пять «эпизодов рисования» (как выражаются исследователи палеолитического искусства). Отметим, что и этого интереснейшего камня можно было бы недосчитаться: на нем есть следы от толстой проволоки, свидетельствующие о попытках его выдернуть; и по всей поверхности перкуссией определяется внутренняя полость, так как происходит отслоение скальной корки.

Подводя итоги, скажем, что в результате исследования изображений на курганных камнях могильников у горы Бычиха каких-то явных закономерностей в расположении рисунков мы не отметили. Как и во всех других могильниках, изображения чаще всего встречаются на широких наружных гранях плит южных стенок, однако есть они и на внутренних (обращенных внутрь кургана), и на северных гранях, и на восточных и западных, и на широких фасадных поверхностях, и на узких торцевых. Думается, что выбор места для изображения связан в первую очередь с качеством каменной поверхности, а не предпочтениями в ее расположении. Северные стороны просто чаще покрыты лишайником, чем южные, например. Эти и многие другие наблюдения говорят в пользу того, что большинство изображений, которые мы видим на камнях оград тагарских курганов, не связаны с данными погребениями, а наносились на открытые поверхности многократно в разные периоды позже времени сооружения курганов. Если учесть, что во всех могильниках встречается достаточно много курганов с прекрасного качества плитами, на которых рисунков нет вообще, то можно прийти к выводу, что нанесение изображений вовсе не обязательно было частью погребального ритуала, как считается. По крайней мере, не для каждой из эпох, в которые возводились курганы с плитами. Пока представляется убедительным только то, что нанесение изображений сопровождало погребениям тесинской культуры [13, с. 234; 18, гл. V].

Тесинцы нанесли также огромное количество изображений на плиты более ранних курганов. Соответствие же рисунков на плитах погребениям подгорновского и сарагашенского этапов еще предстоит обосновать. Что касается сопоставления изображений на курганных плитах с рисунками на скалах, то в целом сходства оказалось меньше, чем ожидалось. Фактически (если не считать рассмотренный выше случай с переиспользованными, как нам представляется, изображениями эпохи поздней бронзы на камне 125/6) соответствия (и то не полные) на скалах нашли только некоторые типы антропоморфных фигур, а также ажурные контурные изображения оленей и козликов в скифо-сибирском стиле (рис. 8: 1). Другие же многочисленные на скалах Бычихи зооморфные образы скифской эпохи на курганных камнях не обнаружены. Нет на них также имеющихся на скалах изображений всадников, лучников и других вооруженных людей скифской и более поздних эпох. При этом на курганных камнях есть характерные только для них типы антропоморфных фигур; есть и изображения животных, аналогичных которым на скалах не найдено; наконец, только на курганах зафиксированы «знаки копыт», тамги и другие знаки (рис. 8: 2).

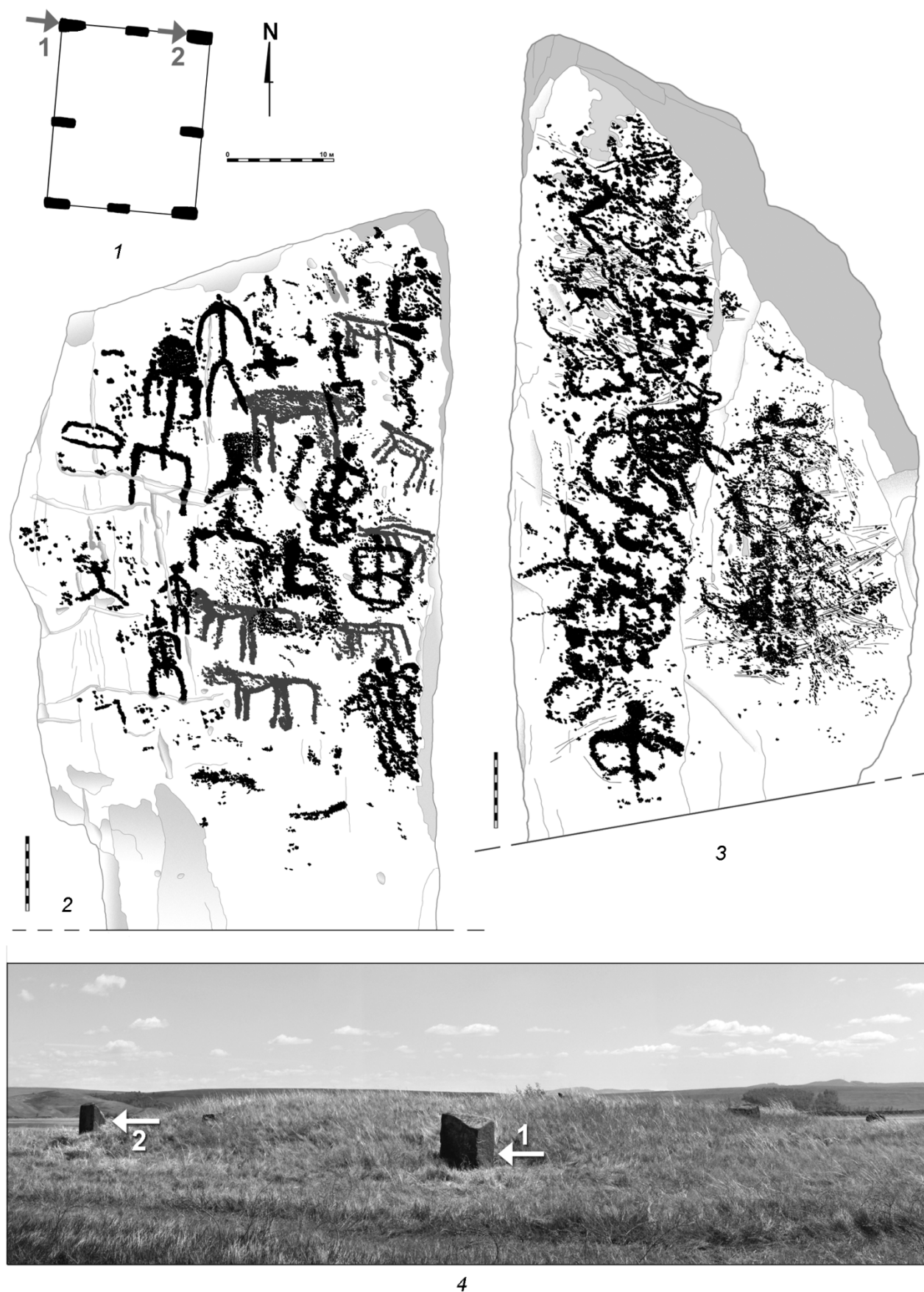
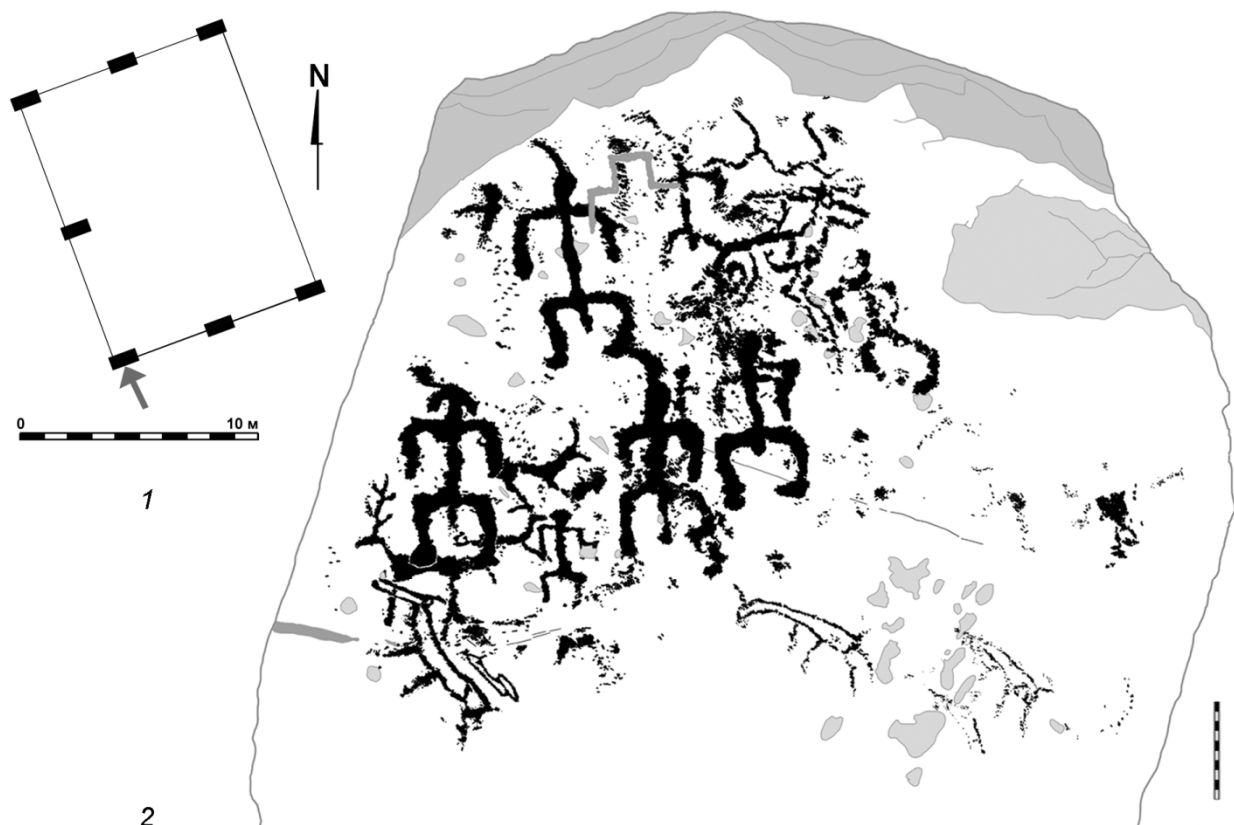

Рис. 6. Петроглифы на плитах кургана № 112. 1 – схема кургана с указанием мест расположения рисунков; 2 – изображения на грани 1; 3 – изображения на грани 2; 4 – общий вид кургана с севера, фото

3

Рис. 7. Петроглифы на плитах кургана № 44. 1 – схема кургана с указанием места расположения рисунков; 2 – прорисовка; 3 – фотография фрагмента композиции, показывающая различия в технике выбивки и перекрывание одновременных изображений

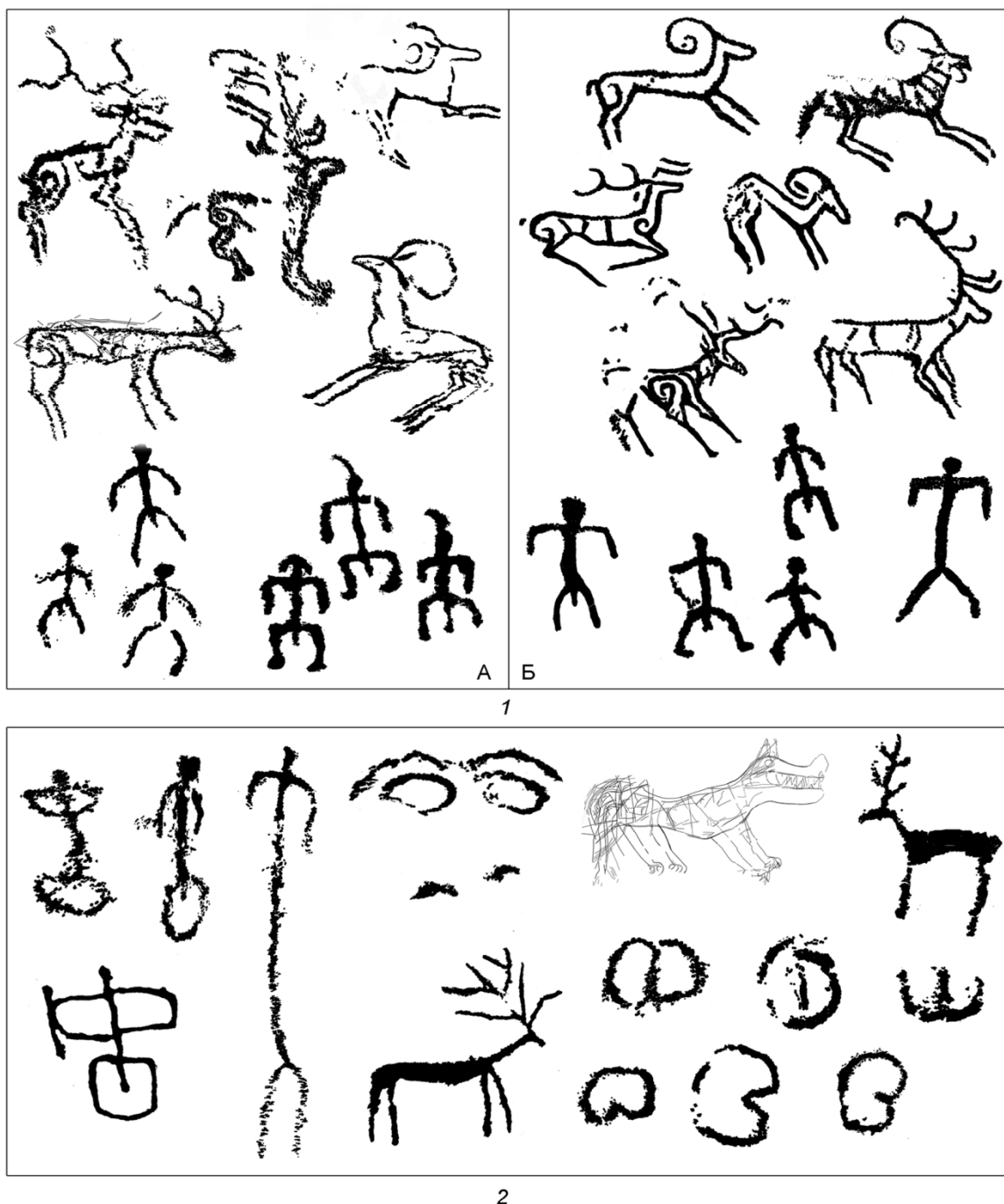

Рис. 8. Сопоставление петроглифов на курганных камнях и скалах горы Бычихи.
 1 – изображения, которые находят соответствие: А – рисунки на курганных плитах,
 Б – рисунки на скалах; 2 – рисунки на курганных плитах, которым не найдены соответствия на скалах

Как уже говорилось, корпус выявленных на курганах под горой Бычиха изображений мы не считаем достаточно представительным, чтобы проследить некие закономерности и сделать какие-то уверенные выводы. Однако проделанная работа – это один из этапов большого исследовательского «пути», по-

скольку только накопление большого массива данных путем тщательного и полного документирования серии могильников на предмет изображений может помочь в решении актуальных проблем в изучении наскального искусства Минусинской котловины.

Источники и литература

1. Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии. Томск, 1906. Рукопись. Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 2. № 12.
2. Ботвич И. И. Кольцевые городища в долине реки Сыда // Актуальные проблемы исторического краеведения в Сибири. Абакан, 2008. С. 37 – 39.
3. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
4. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

5. Грязнов М. П. Отчет о раскопках Карасукского отряда в 1965 году. Л., 1966. Рукопись / Архив ИА РАН. Р-1. № 3200.
6. Грязнов М. П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 136 с.
7. Грязнов М. П., Комарова М. Н. Сыда V – могильник окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 53 – 71.
8. Киселёв С. В. Отчет об археологических раскопках и разведках в Минусинском крае в 1929 г.: рукопись / Архив ИИМК РАН Р-4 № 132.
9. Киселёв С. В. Значение техники и приёмов изображения некоторых енисейских писаниц // Труды секции археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М., 1930. Т. V. С. 91 – 100.
10. Киселёв С. В. «Афанасьевские» курганы у сел Сыды и Теси // Советская археология. 1937а. № 2. С. 71 – 94.
11. Киселёв С. В. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931, 1932 гг. // Советская археология. 1937б. № 3. С. 137 – 166.
12. Ковалёва О. В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2011. 162 с.
13. Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.
14. Миклашевич Е. А. Исследование памятников наскального искусства Минусинской котловины в 2012 – 2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2013. С. 255 – 259.
15. Миклашевич Е. А., Бове Л. Л. Гравировки на скалах Хакасии: новые технологии документирования // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. М.; Казань, 2014. Т. IV. С. 75 – 79.
16. Пяткин Б. Н., Черняева О. С. Новые петроглифы горы Бычиха (р. Сыда) // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1986. С. 85 – 88.
17. Савинов Д. Г. Изображения эпохи бронзы на плитах тагарских курганов юга Минусинской котловины // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово: КемГУ, 1993. С. 61 – 73.
18. Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну. (По материалам археологических исследований 1984-1989 гг.). СПб., 2009. 226 с.
19. Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: КемГУ, 1999. С. 47 – 74.
20. Советова О. С., Шишкина О. О. Изображения на плитах оград тагарских курганов (Тепсейский археологический комплекс) // Вестник КемГУ. 2014. № 3(59). Т. 3. С. 93 – 98.
21. Фотографии Ф. П. Кравченко с эстампажей писаниц, изготовленных С. В. Киселевым в 1929 г. / Архив Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова. Н-1790.
22. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Список сокращений

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
 ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.
 ИИФФ СО СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР.
 КемГУ – Кемеровский государственный университет.

Информация об авторах:

Миклашевич Елена Александровна – старший преподаватель кафедры археологии КемГУ, elena-miklashevich@yandex.ru.

Elena A. Miklashevich – senior lecturer, Department of Archaeology, Kemerovo State University.

Бове Леонид Леонидович – магистрант кафедры археологии КемГУ, l_bove@mail.ru.

Leonid L. Bove – master's degree student, Department of Archaeology, Kemerovo State University.

(Научный руководитель: **Советова Ольга Сергеевна** – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, olgasovetova@yandex.ru.

Olga S. Sovetova – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 02.07.2015 г.